

— А знаете, многие друзья, сокурсники меня не понимают. Зачем уехал из Киева? Почему не использовал возможность «распределиться» в профессиональный театр? Считают, что о серьезной режиссерской работе можно говорить только при наличии профессиональной актерской труппы. Спорим при встречах. Иногда ловлю себя на том, что и мысленно продолжаю спорить.

— И что при этом говорите вы?

— Что нам с Татьяной Росин, моей однокурсницей и коллегой-режиссером, невероятно повезло. И потому, что попали в интереснейший коллектив с богатыми традициями, с думающими, талантливыми актерами, и потому, что с первых же шагов получили возможность полностью развернуться, проявить себя. Что свобода в творчестве, доверие к нам, молодым, неограниченное право на эксперимент, на самостоятельный выбор репертуара — это ли не счастье? Вот сейчас мы «замахнулись» на Мольера. Репетируем «Мещанин во дворянстве».

— В последние годы ваш театр обращался преимущественно к пьесам современных авторов. И вдруг — Мольер. Почему?

— Мне кажется, Мольер актуален и сегодня. И по современным порокам он бьет с той же силой, что и триста лет назад — по порокам своего времени. Возьмите такую категорию, как престижность. Это же настоящий бич, причем совершенно новый. Есть престижные книги и театры, пластинки и вещи. Престижно иметь на книжной полке Бернса и Ахматову, Цветаеву и Высоцкого, престижно о них рассуждать, и зачастую рассуждать, не читая. Это же новая сегодняшняя разновидность мещанства — махрового интеллектуального мещанства. И есть еще одна, уже сверхзадача — мы хотим поставить спектакль — зрелище, спектакль — праздник. Чтобы зритель не только думал и сопереживал, но и смотрел, удивлялся, радовался вместе с нами.

— Почему именно это вы считаете своей сверхзадачей?

— Когда-то театр начинался на площадях и в балаганах, на улицах, посреди толпы, и не страдал от непопулярности. В последние годы, заметьте, эта тенденция, конечно, в новом, современном варианте, простирается все отчетливее. Лучшие театры

страны приходят с концертами в цехи и аудитории, на «малые» сцены. Что это? Только поиск оригинальной формы? А не попытка ли восстановить пошатнувшуюся способность людей к активному общению? Урбанизация ли, темп ли жизни тому ви-

дубому экрану, его нужно не только заинтересовать, но и очень здорово увлечь зрелищем. Ведь не от природной замкнутости не идет человек в клуб, а оттого, что не при вын. что там ему скучно.

— И еще не оттого ли, что порой его туда, мягко

нал тревоги: дело плохо. Выход один — идти к зрителю самим. К нему на работу. К нему на вечер отдыха. К нему в парк, на летнюю площадку. И тогда он придет к нам сам, добровольно и с интересом.

— У нашего коллектива

— С одной стороны, Народный театр — это прежде всего театр. С другой — в силу своей специфики он от обычного театра, вероятно, значительно отличается. Означает ли это его дополнительные функции и дополнительный КПД?

— Конечно. Часто считают, что наше главное отличие — это то, что мы — не профессиональный театр. Это ошибка. К профессионализму в самом прямом и точном понимании слова мы должны стремиться и стремимся в каждом спектакле. Мое мнение — спектакль Народного театра — это, скорее, не столько произведение искусства, сколько общественное событие, в которое вовлечено как можно больше людей. А цель — она общая: активизация духовного, нравственного воспитания человека.

— Вы считаете, под влиянием спектакля Народного театра попадает намного больше людей, чем под влиянием театра профессионального?

— Попробую нас убедить. Это влияние — через участников спектакля, через тех самых актеров-любителей, у которых гораздо шире круг заинтересованных зрителей, чем у его профессиональных собратьев. Почему? Да потому, что он не только актер. Он — рабочий завода, студент, школьник. Срабатывает эффект узнавания — для сотен зрителей он не просто актер — он свой, он товарищ по станку или по парте, и взгляд на него иной. И сопереживает его игре, его герою огромное количество людей. Этот эффект, напротив, отсутствует в профессиональном театре.

— Ваш театр носит прекрасное имя — «Данко». Он делает большое и нужное дело. Как вы полагаете, под силу ли ему донести до каждого зрителя волнующие вас мысли о неравнодушии и общественной активности, помочь сделать высокие нравственные идеалы достоянием каждого молодого человека?

— Искусство могущественно, но не всемогуще. И в одиночку, без помощи семьи, школы, комсомола театр, конечно, бессилен. Ведь эстетическое и нравственное воспитание начинается в детстве. И всему: от хороших манер до благородных поступков мы тоже учимся. Сначала в детстве. Потом в юности. Но закреплять науку все-таки должна жизнь.

Беседу вел
Т. КЕЧЕДЖИ.
Фото Е. Варава.

актуальные диалоги

Чтобы в душах жил Данко...

Наш сегодняшний собеседник — Иван Войтюк, главный режиссер Народного театра «Данко» Дворца культуры и техники производственного объединения «Новокраматорский машиностроительный завод», делегат XXIV съезда ЛКСМ Украины. Молодой режиссер — недавний выпускник Киевского государственного института культуры имени А. Е. Корнейчука, обладатель первого приза областной театральной декады «Донецкая весна-81» «За лучший режиссерский дебют», человек увлеченный, творческий, влюбленный в театр, в свое дело. Его размышления — о специфике народных театров, их взаимосвязи с жизнью, многогранной роли искусства в нравственном воспитании молодежи.



ной, но до анекдота доходит: люди лет по десять живут в одном подъезде и не знают друг друга. Мы перестаем ходить друг к другу в гости, собираться семьями, отдыхать на людях. Мне кажется, вернуть человеку праздник общения — это сейчас одна из важнейших задач искусства.

— Но в каждом городе — свой зритель. У него свои традиции, свои запросы, свои десятилетиями складывавшиеся взаимоотношения с театром. Краматорск — город не театральный. Это, пожалуй, накладывает свой отпечаток на ваши взаимоотношения со зрителем?

— Конечно. Наш зритель — это рабочий, мастер, конструктор. Это человек, уставший за смену, и для того, чтобы он предпочел театр го-

ловся, отправляют не совсем добровольно?

— Навязывая ему в придачу к зарплате и лотерейному билету билет в театр? Наверное, большего вреда взаимоотношениям театра и зрителя нанести нельзя. С одной стороны, у человека возникает чисто психологический протест. С другой стороны, если спектакль хорош, на него никого не нужно загонять — зал и так будет полон. А если и нет — не беда. Доброе имя тоже нужно заносить.

— Причины, по которым это делается, ясны. Если театр слаб и зрителя нет, не закрывать же его вовсе? Это обычный контраргумент в подобных случаях. Хотя распроданные «в наугад» билеты еще не гарантируют аншлага.

— Зато гарантируют сиг-

уже есть подобный опыт?

— Да, есть. Для меня, молодого режиссера, эта форма контакта со зрителем открылась год назад. Горком комсомола совместно с массовым отделом нашего дворца готовил митинг-реквием, посвященный 40-летию начала Великой Отечественной войны. Когда мы с ребятами узнали об этом, загорелись невероятно. Не буду описывать этот митинг, состоявшийся 22 июня на рассвете — о нем уже много писали. Скажу другое — для нас это было настоящим открытием. В процессе работы тогда родилась и наша поэтическая программа «Помните», и мечта — подготовить массовый спектакль к 40-летию великой Победы — о подписании акта капитуляции фашистской Германии.